

Увядший сад, холодная вилла, пустые комнаты — всё вокруг казалось до боли знакомым. Сян Цзинъюань протер глаза и наконец осознал, где находится.

Это был его дом за границей.

Опять этот сон, — он с досадой вздохнул.

Хотя он уже понимал, что спит, тело не подчинялось ему. Сон гнал его вперед, заставляя подниматься по лестнице и толкать дверь в свою комнату.

Там он увидел себя шести или семи лет — крошечный комочек, склонившийся над маленьким письменным столом, что-то старательно выводящий на бумаге.

В груди внезапно разлилась невыразимая тоска. Сердце будто сжали ледяной рукой, и от этой пронзительной, такой реальной боли его начало бить дрожью.

Всего лишь маленькая спина, но он словно видел те неуклюжие, детские буквы на тщательно выбранной почтовой бумаге.

— Папа, мама, Сяо Цзин очень по вам скучает...

Слезы хлынули из глаз. Безграничное горе и отчаяние накрыли маленькое тельце. Он до мельчайших деталей помнил, что произойдет дальше.

В следующую секунду дверь с грохотом распахнулась. На пороге стояла изможденная женщина. Ее некогда прекрасное лицо теперь было бледным и искаженным, глаза горели безумием, а голос, подобно лезвию по стеклу, пробирал до дрожи.

— Сяо Цзин, что ты там пишешь?

Маленький Сян Цзинъюань вздрогнул и поспешно попытался спрятать письмо, но женщина, стремительно подлетев к нему, вырвала листок из рук.

Сердце старшего Сян Цзинъюаня сжалось.

— Зачем ты это пишешь? Сяо Цзин! Почему ты это пишешь? — голос тети внезапно сорвался на визг. В приступе ярости она разорвала письмо в клочья, бросила на пол и принялась топтать, ее лицо приобрело серый оттенок, а взгляд, полный хищной злобы, впился в мальчика.
— Отвечай, почему ты это написал!

Малыш дрожал, крупные слезы катились по его щекам.

— Чего ты реवेशь! Ты им больше не нужен! Какой смысл по ним тосковать? — тетя, сверкая глазами, неистово кричала. — Они бросили тебя! Так же, как когда-то бросили меня, они выбросили тебя навсегда! Неужели ты до сих пор не понял?

— С самого начала они не позвонили ни разу, не прислали ни весточки! Им достаточно Сяо Цина! Им больше не нужны лишние родственники! До тебя доходит или нет?

Похоже, собственные слова вызвали у нее болезненные воспоминания. Ярость на лице сменилась глубокой скорбью. Она опустилась на корточки перед ребенком и, словно в бреду, хрипло зарыдала:

— Какая еще родная сестра, какие обещания всегда быть рядом и заботиться — всё ложь! Разве они не бросили меня одну на другом конце света, забыв обо всем? Родной сын, родная кровь — разве они не выбросили нас, как ненужный хлам?

— Какой смысл в этих обещаниях... Кто теперь будет нас любить...

Сян Цзинъюань впервые наблюдал за своим прошлым со стороны. Слезы ребенка, слезы тети, его собственные слезы — все они сплетались в ледяную бездну боли. Сцена и слова тети вонзались в сердце, словно нож, который медленно поворачивали внутри. Он не мог почувствовать состояние своего детского «я» в тот миг, но помнил всё до мелочей.

Шестилетний ребенок, казавшийся наивным, понимал всё. Хотя его маленькое сердце не могло вынести такой тоски, он знал: с этой минуты он больше не имеет права скучать.

— Сяо Цзин, Сяо Цзин... — тетя словно очнулась и позвала его, вцепившись в его плечи так сильно, что от боли мальчик не мог издать ни звука, лишь глотал слезы.

— Сяо Цзин... — в следующую секунду она крепко прижала его к себе. Одной рукой она нежно гладила его по голове и лицу, ее горячие слезы капали ему на шею, а голос звучал глухо, но ласково: — Сяо Цзин... у тети остался только ты. Тетя любит тебя больше всех на свете, в мире нет никого, кто любил бы тебя сильнее, понимаешь?

Сян Цзинъюань, стоя в стороне, словно посторонний, молча плакал и едва заметно кивал.

— Сяо Цзин, скажи, что ты любишь тетю больше всех, — она отстранилась, глядя на него с жадной мольбой. — Скажи, ну же, скажи, что любишь тетю больше всех...

Тетя часто была не в себе: впадала в ярость, сходила с ума, угрожала самоубийством, заставляла его изо дня в день есть холодную пищу, которую сама же и готовила, заставляла повторять одни и те же слова — лишь бы он поверил в ее любовь.

Поэтому он больше всего боялся ее, но при этом любил ее сильнее всех.

— Сяо Цзин любит тетю больше всех...

Больше всех...

Больше...

Он с трудом открыл глаза. Перед глазами всё плыло. Он провел рукой по лицу и обнаружил, что оно мокрое от слез.

Как стыдно. Он поспешно вытер лицо и вдруг заметил, что ночник слабо светится. Сердце дрогнуло, он повернул голову и увидел, что Фан Ичэнь наблюдает за ним.

Слезы снова непроизвольно покатались из глаз.

Фан Ичэнь ничего не сказал, лишь вздохнул и, протянув руки, притянул его к себе.

Пусть он видел этот сон уже много раз, но почему-то в этот раз сдержаться не удалось. Горячие объятия усилили желание выплеснуть накопленное, и застарелая обида, копившаяся с детства, растаяла, превратившись в потоки слез, которые намочили одежду Фан Ичэня.

— Всё хорошо, — Фан Ичэнь успокаивающе погладил его по спине. Он не знал, как утешить, поэтому просто старался передать ему немного тепла и сил через прикосновение ладоней.

Сян Цзинъюань зарылся в его объятия, словно получив величайшее утешение. Его дыхание быстро выровнялось, и он вновь провалился в сон — на этот раз уже более спокойный.

Фан Ичэнь смотрел на его спящее лицо и лишь спустя долгое время тяжело выдохнул.

Он не знал всего, но и не был в полном неведении.

Чего ты, в конце концов, хочешь? — он другой рукой убрал с его лба влажную от пота челку, в его взгляде читалась невыразимая усталость.

Как же мне... как мне с тобой обращаться?

В офисе Сян Цзинъюань, рассеянно крутя ручку, просматривал анкеты сотрудников. В душе нарастало раздражение, и он позвал секретаря Цяо.

Секретарь Цяо почувствовал, что атмосфера сегодня не из лучших, поэтому, войдя, даже дышал через раз.

— Вы были на собеседовании? — Сян Цзинъюань ткнул ручкой в бумаги, прежде чем поднять взгляд.

— Я присутствовал на протяжении всего процесса, господин Сян, — кивнул секретарь.

— И кто-то из них... произвел особое впечатление? — он снова взглянул на стопку документов и слегка нахмурился.

Секретарь Цяо на мгновение задумался, затем его глаза просияли:

— Помимо того известного дизайнера, что претендовал на должность директора, был еще один кандидат по имени Рэй. Метис, живет в стране А, образование отличное, в молодом возрасте держится уверенно, выглядит зрелым и спокойным. — Подумав, он добавил: — Кстати, его феромоны очень приятные, легкий аромат гардении, очень успокаивает.

Сян Цзинъюань нахмурился еще сильнее. Пока секретарь гадал, не сказал ли он чего лишнего, Сян снова спросил:

— Когда они выходят на работу?

— В следующий понедельник.

У Сян Цзинъюаня разболелась голова. Он потер виски и жестом отпустил секретаря.

Сегодня пятница, а в понедельник...

Он тут же достал телефон и набрал номер.

— Вечером пойдем на ночной рынок.

После того случая в парке аттракционов Фан Ичэнь иногда предлагал ему другие варианты свиданий: посмотреть фильм, уютно устроившись на диване, или поужинать в ресторане с приятной атмосферой — всё как у обычных пар.

Сян Цзинъюаня это искренне радовало. В этих попытках проводить вместе больше времени он видел желание Фан Ичэня серьезно строить их отношения. Но одновременно он чувствовал и разочарование: кроме того раза в период его гона, между ними не было никакой близости, подобающей влюбленным.

Глядя на пару впереди, которая шла, держась за руки, он украдкой взглянул на мужчину рядом. Фан Ичэнь сам предложил нести его жареное молоко, из-за чего у обоих руки были

свободны.

Почему у этого человека нет ни малейшего желания взять его за руку?

Видя улыбку, которая словно приросла к лицу Фан Ичэня, Сян Цзинъюань невольно вздохнул. Тот определенно хочет развивать отношения, но, возможно, лишь для того, чтобы им было комфортно друг с другом, без каких-либо мыслей о переходе границ.

То, что для него — лишь случайное слово или движение, для Сяна — питательная среда, дающая силы жить.

При этой мысли на душе, и без того встревоженной внезапным визитом призраков прошлого, стало еще горше. Аппетит пропал, он опустил голову и замолчал.

— Что такое? — Фан Ичэнь, заметив, что он долго молчит, с улыбкой растрепал его волосы и протянул жареное молоко. — Съешь что-нибудь сладкое, настроение поднимется.

Сян Цзинъюань обиженно посмотрел на него.

— Не хочешь это? — Фан Ичэнь нахмурился, будто всерьез задумался. — Слышал, вон там неплохая жареная лапша, попробуем?

Его тон был таким, будто он успокаивал капризного ребенка, но Сян Цзинъюань не мог устоять перед такой мягкостью и безвольно кивнул.

Пара, шедшая перед ними, внезапно начала ссориться: девушка хотела еще порцию осьминогов, а парень упрекнул ее в том, что она слишком много ест. Они отпустили руки, перестали прижиматься друг к другу и пошли порознь, то и дело оглядываясь.

Сян Цзинъюань невольно усмехнулся.

— Ссоры между влюбленными — это нормально, — Фан Ичэнь, заметив это, тоже улыбнулся и наклонился к его уху: — Спорим, через десять минут помиритесь?

Сян Цзинъюань замер, озадаченно кивнув.

Разве ссоры — это нормально? — он снова подумал об их отношениях. Он всегда осторожен, Фан Ичэнь всегда держит дистанцию. Они не влюбленные, они просто супруги, которые относятся друг к другу с взаимным уважением.

Ему снова стало грустно.

Неизвестно почему, но сегодня его настроение было нестабильным: тревога и уныние преследовали его, каждая мелочь лишь усугубляла состояние. Даже идя рядом с Фан Ичэнем, он чувствовал необъяснимую панику.

Это было ненормально.

Он глубоко вдохнул, пытаясь найти успокоение в древесном аромате Фан Ичэня, но тщетно. Паника лишь нарастала, словно вот-вот должен был раскрыться какой-то страшный секрет.

Предчувствие беды заставило его ускорить шаг.

Выйдя с рынка на оживленную улицу, он резко остановился.

В нос ударил знакомый аромат гардении. Такой легкий и мягкий, но для него он стал предвестником опасности.

Он медленно поднял голову и встретился взглядом с тем самым знакомым лицом, на котором играла загадочная улыбка.

— Давно не виделись, Цзинъюань.

<http://bllate.org/book/19077/1873595>